

края представили заложников и изъявили покорность (там же)». Так было завершено подчинение Западного края.

Окончательное подчинение Бань Чао всего Западного края в конце 94 г. и распространение китайского влияния на запад имело огромное значение для укрепления внешнеполитических и торговых связей Китая с целым рядом государств. Не говоря уже о Средней Азии, с которой Китай и прежде имел торговые сношения, в Китай стали одно за другим приезжать посольства из Парфии, Месопотамии и других стран, «отстоящих на 40 тысяч *ли*» (XXIII, 118). Есть сведения, что торговые агенты римлянина Майя Титиана как раз около 100 г. н. э. доходили до китайской крепости Ланьчжоу¹.

С другой стороны, сам Бань Чао, стремившийся к улучшению торгово-дипломатических связей с Западом, послал в 97 г. миссию во главе с Гань Ином в государство Дацинь (т. е. в Рим, о котором китайцы знали понаслышке). Правда, Гань Ин, вследствие коварства парфянеких купцов, заинтересованных в посреднической торговле между Римом и Китаем и отговоривших его путешествовать морем, так и не достиг Рима, но дошел все же довольно далеко на запад (до Персидского залива) и принес много ценных сведений.

Оживление торговых связей по Великому шелковому пути и рост числа иностранных посольств в Китае в конце I в. н. э. свидетельствуют о возросшем международном значении Китайской империи — одного из крупнейших государств той эпохи и тем самым опровергают миф о замкнутости Китая.

Л. С. Васильев

ЭПИГРАММА ЛУКИАНА (Anth. Pal., XI, 212) — КАК АНТИРЕЛИГИОЗНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

«Богам Греции, — писал К. Маркс², — однажды уже трагически раненным на смерть в „Прикованном Прометее“ Эсхила, пришлось еще раз комически умереть в „Разговорах“³ Лукиана».

Великий сатирик был непримиримым врагом религиозных и всяких иных суеверий, о чем свидетельствует все его творчество. Острая антихристианская сатира «О смерти Peregrina», «Собрание богов», «Любитель лжи, или Невер», а также многие места других крупных произведений Лукиана убеждают нас в этом.

Среди этих широко известных творений незамеченной оставалась нижеследующая эпиграмма Anth. Pal., XI, 212 — небольшая, но острая сатира, направленная против одного из египетских божеств — Анубиса.

.....
ἀλλὰ σὺ προφέρεις τέκνον ἄλλότριον,
τὴν προτομήν αὐτῷ περιθεῖς κυνός. ὥστε με κάμνειν
πῶς μοι Ζωπυρίων ἐξ Ἑκάβης γέγονεν.
Καὶ πέρας ἐξ δραχμῶν Ἑρασίστρατος ὁ κρεοπώλης
ἐκ τῶν Ἰσικίων υἱὸν Ἀνουβιν ἔχω.

¹ Fr. Teggart, *Rome and China*, 1939, стр. 144; Al. Hermann, *Leu-lan, China, Indien und Rom im Lichte der Ausgrabungen am Lobnor*, Lpz, 1931, стр. 157.

² К. Маркс, К критике гегелевской философии права, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 389.

³ Маркс имеет в виду «Разговоры богов».

Ты обещал, что сделаешь изображение сына,
 Но ты приносишь чужеземного мальчика,
 Напаяв на него морду собаки так, что мне больно подумать,
 Как это мой Зопирион родился от Гекубы?
 Так я, Эрасистрат, торговец мясом, купил наконец
 За шесть драхм Анубиса — сына из святилищ Исиды [у жрецов Исиды]

Несколько слов о толковании эпиграммы в прошлом.

Еще на рубеже XVIII — XIX вв. Фр. Якобс, составитель первого, хорошо комментированного издания греческой антологии (Лейпциг, 1794 — 1814), извлек эту эпиграмму из рукописи и следующим образом восстановил первую утраченную строку ее:

[Τεχνίον εὐμορφον, Διδώρε, γράφειν ἐκίλευσα]

[Filiolum formosum, Diodore, pingere te iussi],

т. е. «Я велел, чтобы ты, Днидор, нарисовал красивого сынишку». Сам Якобс полагает, что эпиграмма — всего лишь жалоба торговца мясом Эрасистрата на художника, который так нарисовал (слову γράφειν оригинала соответствует латинское pingere) его сына Зопириона, что получились Анубис, а не Зопирион¹. В связи с этим дается и заголовок эпиграммы «Εἰς ζωγράφου» («На художников»), который, как увидим ниже, отводит сатиру Луккиана в сторону от ее прямого объекта — Анубиса.

Прилагательное ἀλλότριον (асс.) во второй строке эпиграммы звучит в латинском переводе как alienus «чужой». Анубис, по словам Якобса, взят им из святилищ Исиды (ex Isidis sacellis), где повсюду видны изображения этого бога.

Почему же эпиграмма связывает Зопириона именно с Анубисом? Якобс не объясняет этого, так как считает эпиграмму сатирой на художников. Антирелигиозная направленность эпиграммы XI, 212 осталась им незамеченной.

Издатели Палатинской антологии Дюбнер и Куньи, приводя эту же эпиграмму и перевод ее, также показали себя сторонниками интерпретации Якобса².

Известный исследователь Луккиана Диндорф в своем издании произведений писателя³ дает (в латинском переводе) несколько иную реконструкцию первой, утраченной строки эпиграммы:

Pollicitus fili te facturum simulacrum,

т. е. «Ты обещал, что сделаешь изображение сына» — обращение скорее к скульптору, чем к живописцу. Глагол facio, взятый здесь вместо pingo Якобса, прямо указывает на скульптора. Прилагательное ἀλλότριον из второй строки эпиграммы в латинском переводе звучит как alienigenum «чужой», скорее в смысле «чужеземный», что вполне возможно для эпохи II в. н. э., эпохи распространения в странах греко-римского мира различных чужеземных, в частности египетских, религиозных культов.

В последней строке эпиграммы слова ἐκ τῶν ἱσικίων⁴ переданы по латыни ex Isiciis, причем последнее слово — с большой буквы, как и в оригинале. Они могут быть переведены: «Из храма Исиды» или «От жрецов Исиды».

Однако и Диндорф умалчивает об антирелигиозной направленности эпиграммы. Между тем эпиграмма XI, 212 представляет собой прямую сатиру на египетского бога

¹ «Epigrammatum Anthologia Palatina», ed. Dübner et Cougny, т. II, P., 1888, стр. 378 (в примечаниях).

² См. там же.

³ «Luciani Samosatensis opera», P., 1884 (в одном томе).

⁴ Рукописное чтение ἱσικίων представляет, вероятно, стяженную форму от ἱσικίων. Ἐκ ἱσικίων или τὰ ἱσικίων — храм или праздник Исиды.

Анубиса. Это вполне возможно еще и потому, что эпитаграмма — не единственное произведение Луккиана, где Анубис изображен сатирически. В диалоге «Продажа жизней»¹ Сократ клянется собакой, а на вопрос удивленного покупателя отвечает: «Что ты! Ты не веришь, что собака — бог? А ты разве не видишь, в каком почете Анубис в Египте?» В «Зевсе трагическом»² Анубис и другие языческие боги, по мнению Луккиана, представляют ценность только потому, что сделаны целиком из золота. Еще одно свидетельство религиозного скептицизма Луккиана по отношению к тому же Анубису имеется в произведении «Разговоры в царстве мертвых» (№ 13, Диоген и Александр)³. И, наконец, в «Собрании богов» писатель, устами Мома, так характеризует Анубиса: «Ты же, египтянин, с собачьей мордой, завернутый в пеленки, — кто ты таков, милейший, и как можешь ты, лающий, считать себя богом?»⁴. Попутно достается и Апису и другим чудовищным египетским богам.

«Заставить улыбнуться над богом Аписом, — говорил Герцен⁵, — значит расстричь его из священного сана в простые быки». Луккиан в эпитаграмме сделал то же с Анубисом. Насмешливым отношением к изображению мальчика, сына Эрасистрата, в виде Анубиса (такое изображение должно было означать, что умерший сын Эрасистрата находится под покровительством этого бога) Луккиан еще раз развенчивает Анубиса, а одновременно затрагивает и Изиду, с культом которой был тесно связан культ Анубиса, и Гекубу. Чрезвычайно показательно в эпитаграмме смещение мифологических представлений о Гекубе⁶ и ее превращении в собаку с пережитками тотемистических представлений египетской религии.

Итак, несомненно, что Луккиан, великий сатирик и атеист, выступил здесь прежде всего против культа Анубиса и других восточных божеств. Обращение к художнику, которое мы можем признать как вероятное, поскольку первая строка эпитаграммы не сохранилась, — лишь повод для прямой антирелигиозной сатиры, вполне закономерной для писателя, который высмеивал «поклонников Юпитера не меньше, чем поклонников Христа»⁷.

Ю. Ф. Шульц

ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ОДНОГО ВОСТОЧНО-РИМСКОГО ГОРОДА

(Некрополь киликийского города Корика)

Историками поздней Римской империи твердо установлен тот факт, что по своей экономике восточная половина империи (впоследствии — Восточная Римская империя и Византия) стояла значительно выше, нежели западные ее провинции. В сельском хозяйстве восточных областей римского государства это превосходство выражалось

¹ Луккиан, Собр. соч., М., 1935, т. I, стр. 382 сл.

² Там же, т. I, стр. 473 сл.

³ Там же, стр. 606.

⁴ Там же, стр. 501.

⁵ А. И. Герцен, Полное собр. соч. и писем, 1919, т. IX, стр. 119.

⁶ См. о Гекубе: Еврипид, Гекуба; Плавт, Менехмы, 714; Овидий, Метаморфозы, XIII, 667—670. Луккиан о Гекубе см.: «Сновидение, или петух», 517; «О жертвоприношениях», 2.

⁷ Ф. Энгельс, К истории раннего христианства, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. II, стр. 610.